

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ

Статья Вс. Воинова

Академия Художеств устроила в стенах Музея выставку работ талантливого своего питомца, Александра Яковлева. Ученик проф. Д. Н. Кардовского, создавшего целую школу художников, Яковлев очень рано выявил себя сложившимся мастером. Уже академические его рисунки сангиной, целый ряд которых имеется на выставке, с их тщательно проработанной формой, с их доведенностью до предельной чистоты, — как бы предопределяют его дальнейший творческий путь. С академической скамьи и до сего времени А. Яковлев, в сущности, ведет одну ясную и прямую линию, которая получила в нашей художественно-критической и научной литературе свой ярлык — «нео-академизм».

И можно сейчас безоговорочно признать, что именно Яковлев (как и другой его сотоварищ по мастерской Кардовского — В. И. Шухаев) является наиболее характерным и одаренным представителем нео-академизма.

Нео-академизм, как художественно-культурное явление, считает рисунок, строгую штудировку формы,

главнейшей основой живописи; рисунку подчиняются все остальные ее элементы; при этом знание формы, как вообще во всяком академизме, базируется на всестороннем знакомстве с пластической анатомией; новизна восприятия и воплощения этой формы выражается в некотором техническом обобщении, в ряде приемов ее трактовки, которые резюмируют различные завоевания европейского искусства последнего времени (не без оглядки и на некоторые достижения старых мастеров). Таким образом, в конечном результате нео-академизм не чужд электизму.

Если обратимся к работам Александра Яковлева, то увидим, что, начиная с академических сангин, вплоть до последних африканских работ, эта стихия строгого академического рисунка проходит красной нитью. Ничего приблизительного, «набросочного» мы не встретим в них. Можно сказать, что верность глаза и точность руки, это — не только аппарат,

но как бы самоцель в творчестве Яковлева; демонстрация этой виртуозности воспринимающего и воспроизводящего аппарата для самого художника становится с течением времени центром, главным содержанием его искусства; и для того, чтобы оно не было пресным, чтобы обогатить самый арсенал форм, ему приходится искать экзотики, придающей его работам пряность и остроту, интерес известной сенсации. Эта власть академически точного рисунка, власть маэстрии, господствующая над художником, при всем внешнем великолепии его работ придает им оттенок некоторого «холодка». Каждую вещь Яко-

влева можно сравнить с виртуозно сыгранной труднейшей скрипичной пьесой, где восторгаешься невероятностью технических пассажей, не боясь, что артист сорвется, ошибется; но в то же время это трюкачество, это лезущее из каждого атома его работ «мастерство» скорее утомляет, чем заставляет радостно волноваться. Ведь форма сама по себе, мастерское ее воплощение,

это только одна, хотя и очень важная, сторона искусства живописи, а у Яковлева все остальное, не менее важное, лишь аккомпанемент. Эта ограниченность Яковлева, как живописца, особенно очевидна, когда видишь его попытки писать красками; тут роковым образом получается не живопись, а раскрашивание рисунка; таковы, например, его коллективный портрет участников африканской экспедиции, портрет рыбака и др. И характерно, что в ранних работах Яковлева, в его программе — «Баня», этюде натурщика, мужском портрете, некоторых пейзажах и акварелях, — у него были более живописные устремления, которые с годами он сумел окончательно преодолеть, подчинив их своим нео-академическим принципам. Это, впрочем, грех, или недостаток, целой школы; и только у Яковлева, как наиболее талантливого и яркого ее выразителя, это сказалось в формах более мастерских и более культурных.

Материал, собранный на выставке, распадается на две части: ранние, оригинальные работы Яковлева, и работы последнего, заграничного периода его деятельности, представленные превосходными репродукциями. Это несколько понижает интерес к выставке, потому что как бы ни были хороши репродукции, они, конечно, никогда не могут заменить оригинал и дать о нем полное представление.

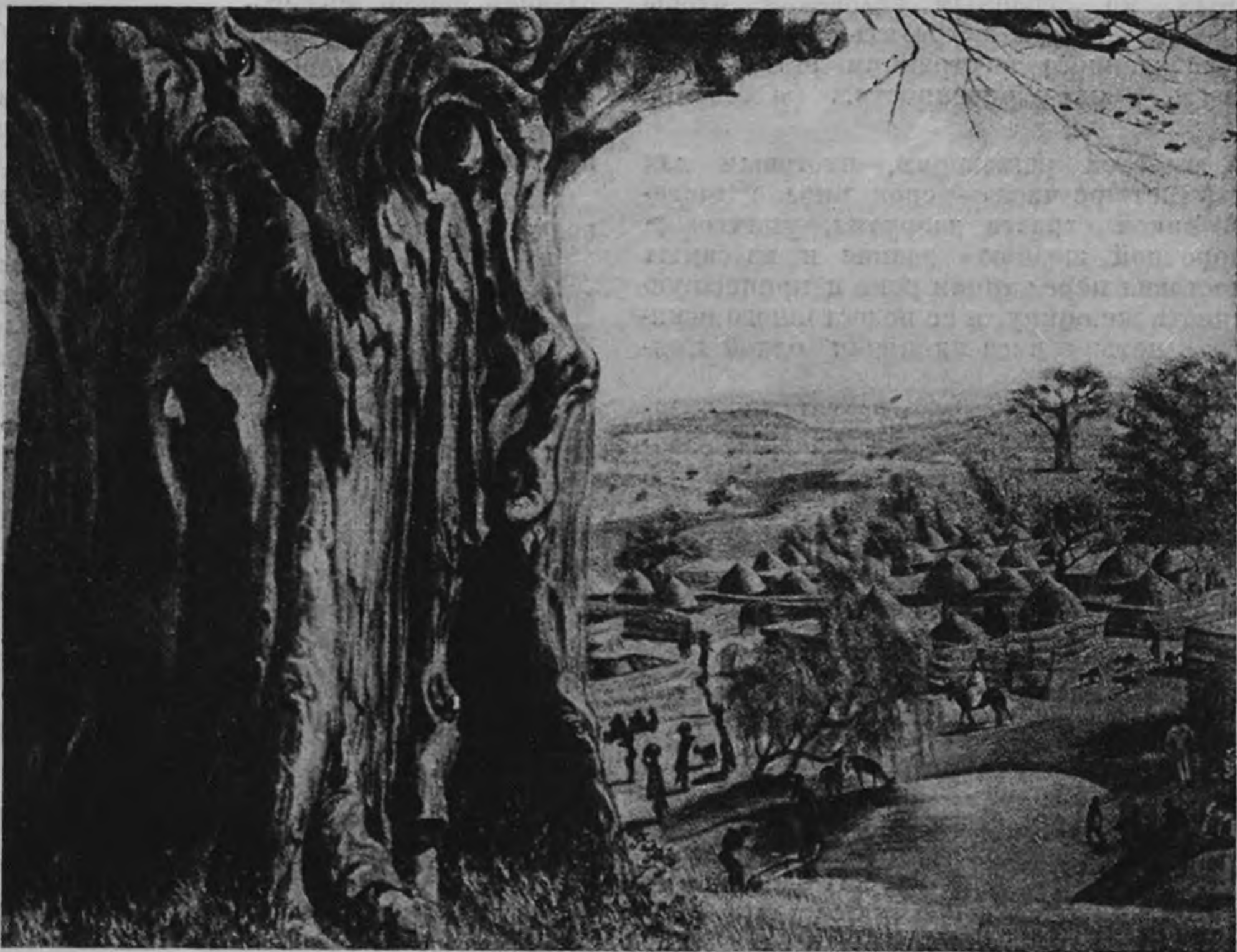
Среди ранних работ прежде всего обращают на себя внимание уже упоминавшиеся мною его огромные рисунки сангиной; эта техника близка художнику и он, как мы видим, любит ею пользоваться и по сие время. Она дает ту затуманенность, плавные переходы светотени, которые особенно отвечают задаче скульптурной передачи форм человеческого тела. В ранних живописных работах Яковлев искал и иных путей, где плавность фактуры не играла такой преобладающей роли, и эти его вещи давали надежду на более свободный, менее схоластический подход к фактурной обработке картинной поверхности. Но затем над его живописью возобладал тот прием, который так характерен уже для его ранних сангин. Живой струей Яковлевского мастерства представляются его ранние акварели ири-



Автопортрет



А. Яковлев — «Голова китайки»



А. Яковлев

«Баобаб»

сунки для «Сатирикона», исполненные с той трепетностью, монументализмом и динамикой, которых так не хватает его последующим, всегда до предела проштудированным, но весьма «статичным» работам.

Вторая часть выставки (репродукции) являет нам Яковлева — экзотика. Здесь можно выделить две группы его



А. Яковлев

„Портрет рыбака“

работ: китайские и африканские. И те и другие свидетельствуют о чрезвычайной зоркости и совершенстве его мастерства, умения схватить самое характерное и впечатляющее в той или иной модели; при чем это выявление характерного основано у художника, прежде всего, на проработке объемной формы, что и составляет главный стержень, «художественную идеологию» его искусства. По силе выразительности, по прочувствованности костяка, структуры модели многие из рисунков Александра Яковлева очень напоминают знаменитые Виндзорские рисунки Ганса Гольбейна; таковы его типы китайцев и разных племен средней Африки (Абура — вождь, Следопыт и др.).

Нельзя не отметить, что эти рисунки Яковлева чрезвычайно интересны не только как произведения искусства, но и по содержанию, по тому грандиозному охвату характеристики неведомых, или весьма мало знакомых нам, человеческих рас. Ведь, и самое путешествие экспедиции «Компании Ситроэн», пересекшей весь Африканский материк и закончившей свой путь на Мадагаскаре, представляется чем-то фан-

тастическим, о чем со времен Стэнли и Ливингстона трудно было мечтать.

Мысль устройства выставки работ А. Яковлева, ярчайшего представителя нео-академизма, в стенах Академии Художеств нельзя не приветствовать. Мастерство Яковлева, с одной стороны, должно показать нашей молодежи наличие огромной трудовой дисциплины; большого, цельного устремления художника, а с другой, может быть, и предостеречь ее от слишком слепого увлечения такого рода творческим самоограничением мастерства, как самоцели.

Этот путь опасен уже тем, что среднего человека заводит в неизбежный тупик «живописного стандарта»; и мы видим, что даже такому крупному дарованию, как Яковлев, приходится искать выхода в экзотике, в остроте неизведанного

ИТОГИ МОСКОВСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Очерк Е. Браудо

Если приложить к нашей музыкальной жизни научную терминологию историко-философского порядка и говорить о смене эпох «критических» и «органических» в музыкальном быту Москвы, то истекший сезон можно вполне отнести к периодам критическим. Мы пережили ряд производственных кризисов в различных отраслях концертной и оперной действительности, и, собственно говоря, к концу сезона положение музыкального дела в Москве во многих отношениях остается не выясненным.

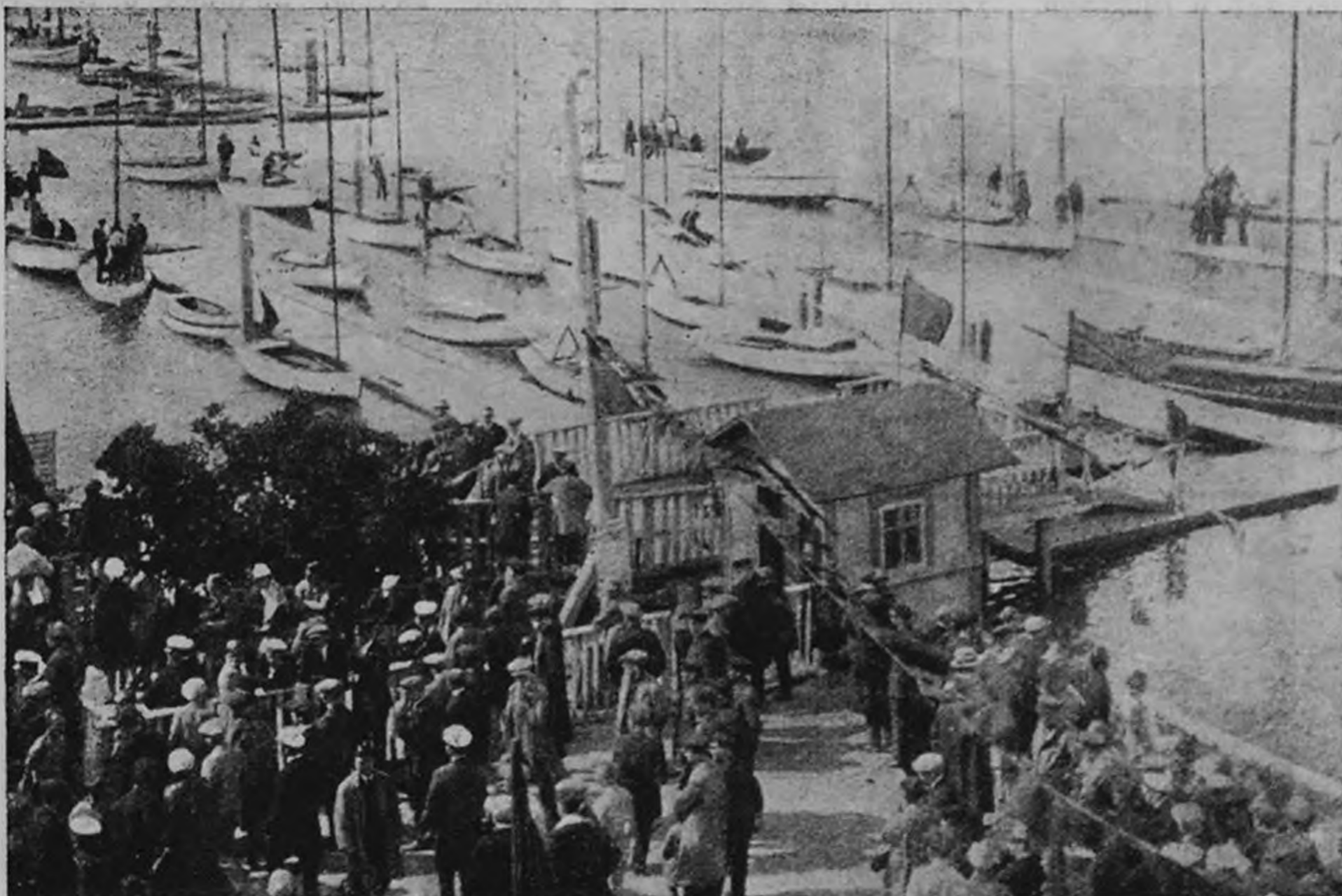
Полоса кризисов раньше всего оказалась в области концертной и, особенно, на симфоническом участке. В настоящее время Москва обслуживается регулярно лишь двумя симфоническими оркестрами, из коих один «бездирижерный», — Персимфанс (яв-



А. Яковлев — „Девочка племени Бурру“

ление бездирижерности Ленинграду почти незнакомо), а другой консерваторский организовался и крепко стал на ноги лишь в начале этого концертного года. Оба ансамбля дают параллельно концерты, при чем Персимфанс в текущем году дал не мало интересных новинок, закончив свою деятельность для данного сезона исполнением десятой очень насыщенной содержанием, но чрезмерно сжатой симфонии Мясковского. Консерваторский оркестр, много обязанный своему энергичному руководителю Голованову (имя которого в последнее время по причинам другого порядка не сходит с газетных столбцов), использован был и Ассоциацией Современной Музыки. Последняя также познакомила нас с другой симфонией Мясковского, девятой, более вялой и растянутой, а также с рядом западных новинок (Бартока, Респиги и др.). Основная московская концертная организация, бывший Росфил, теперь Концертное бюро Управления Гос. Ак. театров, в текущем году была сильно стеснена в своей работе. Она так же, как и Ассоциация Современной Музыки, выписала нескольких иностранных дирижеров. В рамках бывшего Росфила, ныне преобразуемого в общесоюзную симфоническую организацию «Совфил» (которая будет иметь свой филиал и в Ленинграде), выступали два дирижера: Ансерме и Фрид, с про. раммами, не содержащими каких-либо особых новинок, не исполняв-

ВОДНЫЙ СПОРТ В ЛЕНИНГРАДЕ



Поднятие флага в парусном яхт-клубе ЛСПО

«Лето»

Художник

О. Ф. Амосова

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИМЕН
В. И. ЛЕНИНА
СРСР

КРАСНАЯ ПЯТНОРЯМЯ

№ 27

Цена 10 коп.

